

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

УДК / UDK 328.184

ИНТЕРВЬЮ С УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.В. БУРЦЕВЫМ

Не так давно у представителей бизнес-сообщества появился еще один канал для продвижения своих интересов – институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, который существует не только на федеральном, но и на региональном уровне. Ввиду относительной новизны данного института до сих пор до конца не очевидно его место в системе взаимоотношения бизнеса и власти. Для понимания роли регионального бизнес-омбудсмена в рамках экспедиции в Рязанскую область была организована встреча с рязанским уполномоченным по правам предпринимателей Егором Бурцевым.

В своем интервью рязанский бизнес-омбудсмен рассказал участникам экспедиции об основных проблемах, с которыми, на его взгляд, наиболее часто сталкивается рязанский бизнес в последние годы, о каналах взаимодействия бизнеса и власти и их эффективности, о своей роли в системе взаимоотношений с властями, а также кратко осветил меры, которые необходимо предпринять для снижения давления на предпринимателей.

Ключевые слова:

Бизнес-омбудсмен, защита прав предпринимателей, взаимодействие бизнеса и власти, Рязанская область.

Орлов Игорь Борисович, Заместитель заведующего НУЛ:

Первый вопрос руководителю специфического института защитников связан с тем, с какими проблемами сталкивается сам институт и бизнес, с точки зрения того, что Вы решаете его проблемы?

Бурцев Егор Викторович, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Рязанской области:

Для того чтобы нам более эффективно работать, ключевая задача для совершенствования правового положения и повышения эффективности работы институтов в регионе – внесение изменений в региональный закон об уполномоченных по защите прав предпринимателей по Рязанской области.

Мы подготовили проект изменений, указали это в докладе за 2017 год. Должен появиться отдельный государственный орган.

Сейчас есть я сам лицо, замещающее государственную должность, а обеспечивает меня отдел, который входит в структуру аппарата Правительства. По большому счету, должен быть отдельный государственный орган, это первое. Второе, должна быть отдельная строка в бюджете Рязанской области. Схема, которая сейчас прописана в законе, отчасти нарушает и устав Рязанской области, и закон о Правительстве Рязанской области, и Положение об аппарате Правительства Рязанской области. Для того чтобы все эти нюансы соблюсти, и чтобы был соблюден принцип независимости работы института, необходимо отдельное юридическое лицо и своя строка бюджета.

Орлов И.Б.:

Какие-то может быть еще права дисциплинирующего характера? Например, чтобы омбудсмен выступал не в роли только третейского судьи?

Бурцев Е.В.:

В некоторых регионах есть право законодательной инициативы, которое предоставлено уполномоченному. Есть право в рамках оценки регулирующего воздействия, отрицательное заключение омбудсмена. Оно блокирует вопрос о рассмотрении или внесении изменений в нормативно-правовой акт.

Орлов И.Б.:

У вас этого нет в Рязанской области?

Бурцев Е.В.:

Нет, у нас этого нет. Есть право составлять протокол об административных правонарушениях, чтобы привлекать чиновников за те или иные правонарушения по областному закону об административных правонарушениях.

Орлов И.Б.:

У Вас сейчас есть какой-нибудь небольшой штаб?

Бурцев Е.В.:

Я предыдущие полгода работал один, а последние 8 месяцев работаю с одним человеком. У меня на 80% выросло количество обращений в 2016 году по сравнению с 2015-м, и на 92% в 2017 году по сравнению с 2016 годом. То есть у меня около 300 письменных и устных обращений. Мы выигрывали суды в прошлом году, притом, что я работал один, т.е. фактически держусь на своих экспертах, работающих на общественных началах и на своих общественных помощниках. Я считаю, что говорить в принципе о какой-то там эффективности института и защищенности прав бизнеса, при том что у нас большое количество ведомств федерального уровня, нельзя. Невозможно защищать права и интересы бизнеса при такой системе. Она по большому счету строится на морально-волевых связях.

Орлов И.Б.:

И на личных связях?

Бурцев Е.В.:

Это в том числе. Но больше на помощи экспертов, неравнодушных специалистов. Ситуацию нужно кардинально менять.

Орлов И.Б.:

Вы в большей степени взаимодействуете с МСП, т.е. большой бизнес обходится без Вас или бывает по-разному?

Бурцев Е.В.:

Если допустим, мы говорим о законе про кадастровую стоимость, он естественно затрагивает всех: и тех, кто на основной системе налогообложения, и тех, кто на спецрежиме. Это касается и малого, и среднего, и крупного бизнеса. Мы решали вопрос с середины прошлого года по налогу на движимое имущество, который также затрагивает и малый, и крупный бизнес. Но в силу того, что субъектов малого и среднего

предпринимательства у нас априори больше, естественно в обращениях больше малого и микробизнеса. Хотя интересы мы представляем и крупного и среднего бизнеса по системным и частным вопросам.

Орлов И.Б.:

Но чаще всего, конечно, тех, которые менее защищены и со стороны власти более уязвимы?

Бурцев Е.В.:

Их больше, они действительно менее защищены, не имеют юридических служб, не имеют возможности куда-то обратиться, и даже понимания, куда обратиться. Уровень вопросов разный. Но мы со всеми работаем. Кто-то приходит и говорит, что начислили несколько десятков миллионов, а кто-то приходит и говорит про несколько десятков тысяч рублей.

Орлов И.Б.:

А приходят лично или больше предпочитают взаимодействие по электронной почте? Какой вид коммуникации предпочитает рязанский бизнес? Прийти лично и сесть напротив или, допустим, формализовать это через портал, почту?

Бурцев Е.В.:

Я сравниваю с другими регионами. Недавно вернулся с Ялты, там был Ялтинский международный форум. Вообще мы часто общаемся с коллегами онлайн. Я смотрю, как у них строится работа, как себя чувствуют общественные организации, предприниматели, находящиеся, по большому счету, в тех же условиях, что и мы. Наш бизнес, я считаю, более недоверчив к власти. В силу этого, естественно, он склонен к тому, чтобы приходить и говорить лично. И даже когда с ними лично разговариваешь, не все готовы письменно обращаться. Люди боятся. Есть отстраненность, есть недоверие, есть реальный страх. У меня были истории, когда люди приходили, говорили, что они выступали на каком-то значительном совещании, та как их просили выступить и рассказать о

своих проблемах. Они выступали с проблемами, а им после этого становилось некомфортно работать. Документы переставали рассматриваться, а те, которые были на рассмотрение, возвращались и так далее. Люди обращались ко мне по системному вопросу, связанному с пенсионным обеспечением. Он касается миллиона предпринимателей. Я им посоветовал написать обращение. А они мне сказали: «Вы что, нас потом запроверяют, замучают в районе», и мне не удалось их убедить. Поэтому эта отстраненность, недоверие и отчасти видение формального отношения к диалогу между властью и бизнесом заставляет предпринимателей свои проблемы держать при себе и не решать вопросы системно. При этом, конечно, есть предприниматели, которые пишут в социальных сетях. У меня есть страница в Facebook, «ВКонтакте». У нас до сих пор полноценного сайта не было в плане удаленного обращения. Мы разработали сейчас сайт, интернет-приемную, которая должна в ближайшее время заработать. Но все это сделано без финансирования из бюджета. В бюджете, к сожалению, на это денег пока нет. Я надеюсь, что предприниматели на это отреагируют, т.е. обратная связь через интернет-приемную будет. Единственное, чего я опасюсь, это то, что мы не осилим. Т.е. если люди будут нормально пользоваться и отправлять через интернет-приемную обращения, а мы с ними можем не справиться.

Орлов И.Б.:

В некоторых отделах правительства области, которые занимаются поддержкой малого и среднего предпринимательства, работает 2 - 5 человек. Т.е. получается, что административные структуры могут себе позволить иметь большой штат. Я так понимаю, что мощные структуры — это большая четверка. Возникает отсюда вопрос: почему они идут к Вам? Почему они, являясь членами ассоциации, не идут решать свои проблемы, прежде всего, в ассоциацию?

Бурцев Е.В.:

Поймите, ко мне обращаются и сами ассоциации или активные представители общественных объединений. Просто у нас полномочий больше, чем у общественных объединений. Плюс я все-таки считаю, что было бы хорошо, чтобы у каждого общественного объединения была какая-то закрепленная юридическая служба.

Орлов И.Б.:

Нет ни у кого?

Бурцев Е.В.:

Я не могу сделать точный срез. Но вот в «Опоре России» появилась юридическая служба по защите прав предпринимателей. Но хочется, чтобы это было у всех. Чтобы членские взносы, финансирование было на это направлено. Чтобы была возможность иметь юристов и налоговиков, которые бы не на общественных началах занимались разрешением проблем, а получали за это заработную плату. Потому что если это общественники, тем более предприниматели, то они в первую очередь занимаются зарабатыванием денег. Они объективно не могут решить все проблемы. Чем больше будет институтов, которые будут заниматься правами предпринимателей, тем лучше. Мы не воспринимаем это как конкуренцию.

Орлов И.Б.:

Кто-то сказал из классиков политической науки: «Институтов много не бывает».

Бурцев Е.В.:

Нет, бывает. Мы видим много институтов поддержки, появление их на федеральном и региональном уровнях, но встает вопрос об их эффективности. Они ведь уходят из-под прямого финансирования и переключаются больше на возвратный механизм, на информационно-популярные услуги. Встает вопрос о том, насколько они эффективны?

Орлов И.Б.:

У Вас взаимодействие происходит по линии МВД, управления местного ФСБ? Или это исключительные случаи?

Бурцев Е.В.:

Да, это какие-то предметные вещи.

Орлов И.Б.:

То есть все удается решать вопросы, так или иначе, в правовом поле?

Бурцев Е.В.:

На самом деле есть, куда стремиться. Допустим, с МВД мы так и не подписали соглашение о взаимодействии.

Орлов И.Б.:

Инициатива исходила от Вас?

Бурцев Е.В.:

От меня. Я думаю, что было бы полезно, во-первых, подписать соглашение, во-вторых, наполнить его каким-то реальным содержанием. Плюс у меня все-таки есть определенные ограничения по вхождению в состав общественных советов при региональных органах исполнительной власти. При этом в федеральные некоторые я вхожу, допустим, в ФНС и Следственный комитет. А на региональном уровне не могу. В МВД, думаю, было бы полезно войти в состав общественного совета.

Орлов И.Б.:

А закон запрещает вхождение или ограничивает?

Бурцев Е.В.:

При прокуратуре вхожу, там нет для меня проблем. А на региональном уровне в статусе постоянного приглашенного не получается. Даже вот с нашим региональным Министерством экономики проблемы: они меня не приглашают.

Орлов И.Б.:

То есть законодательно ограничений нет?

Бурцев Е.В.:

Ограничения есть. Есть ограничения для лиц, занимающих государственную должность входить в состав общественных советов, но в территориальных органах. А в федеральных органах исполнительной власти у меня нет ограничений, я туда вхожу. В Роспотребнадзор, допустим, в общественный совет тоже вхожу, а на региональном уровне, к сожалению, не получается.

Орлов И.Б.:

Помогает Вам вхождение в федеральные структуры для работы здесь? Кроме выстраивания каких-либо коммуникаций наверху?

Бурцев Е.В.:

Конечно. Что такое общественный совет? Общественный совет – это так или иначе информационный сконцентрированный поток по вопросам, которые затрагивают интересы бизнеса. Т.е. мы можем каким-то образом влиять, регулировать, поднимать эти вопросы, высказывать свою точку зрения. Ключевое, если мы говорим о диалоге и о взаимодействии бизнеса и власти, это отношение самих органов власти к той информации, которую они получают. Допустим, наш институт не имеет ни законодательной инициативы, ни исполнительных функций, т.е. мы не органы исполнительной власти. Мы анализируем информацию, формулируем свои предложения. Где-то устно, где-то письменно. Направляем их в органы исполнительной либо законодательной власти.

Орлов И.Б.:

Они слышат?

Бурцев Е.В.:

Вопрос именно в этом. Хотят услышать – услышат, не хотят услышать – не услышат. Потому что иногда я это вижу. Задают такой вопрос: «Вот вы работаете уже год-два, а почему бизнес так плохо живет?». Притом, что есть судебные системы, правоохранительные органы, надзорные, испол-

нительные, и давно они уже работают. А вопрос задается уполномоченному. Это определенная манипуляция такая. Мы формулируем предложения, мы их стараемся продвинуть, донести, обосновать, но ключевая функция по тому, чтобы это было реализовано, лежит естественно на органах исполнительной и законодательной власти.

Орлов И.Б.:

Я вас прекрасно понимаю, что функционал исполнительной власти никуда не уходит. Как бы они не стремились переложить на Вас вину за проблемы бизнеса или выставить эту должность в виде «мальчика для битья» или «козла отпущения». В любом случае исполнительная власть не должна уходить от ответственности.

Бурцев Е.В.:

Да, я думаю, что здесь каждый должен отвечать за свой участок работы. По большому счету мы все делаем общее дело, если говорить широко, – повышение конкурентоспособности нашей экономики и нашей страны. В любом случае каждый, кто это делает, влияет в конечном итоге на то, как чувствуют себя люди, особенно экономически активный слой нашего населения. В целом задача у нас такая – повышение конкурентоспособности и эффективности нашей экономики.

Орлов И.Б.:

У вас KPI, надеюсь, нет?

Бурцев Е.В.:

У нас естественно оценивается эффективность работы института. Есть профиль эффективности, который мы ежегодно заполняем. У нас есть ежемесячный профиль региона, который мы отправляем. Там порядка 12 фундаментальных показателей, и они еще разбиты. Естественно, нашу работу оценивает центральный аппарат. Но мы не можем собой подменять органы исполнительной власти, контрольно-надзорные и любые другие институты. У нас нет исполнительных полномочий. Как я уже сказал, в

некоторых регионах есть право законодательной инициативы, но эту законодательную инициативу в любом случае принимают на заседании областной думы. Мы изначально были предложены большой четверкой, и президентом поддержаны, как институт непосредственно защиты бизнеса, т.е. это не институт развития, которые сейчас появляются. Мы стараемся, чтобы у нас появились инструменты, которые непосредственно защищали бы от тех перекосов, которые есть в работе органов власти. Т.е. наша компетенция – защита бизнеса, если права нарушаются органами власти или любыми публичными органами. Мы стараемся заниматься именно этой сферой. Мы знаем, что в прокуратуре появился отдел, который защищает права предпринимателей, но при этом и у нас есть, чем заниматься. Еще хотел сказать по поводу того, что необходимо в регионе для защиты прав бизнеса. У нас до сих пор нет общественной приемной уполномоченного при Президенте по защите прав предпринимателей. Притом, что есть поручение Президента содействовать федеральному уполномоченному по открытию приемной до конца 2014 года, у нас ее до сих пор нет. Формально открывать ее, т.е. просто повесить табличку и открыть кабинет, думаю, смысла никакого нет. Соответственно, под это тоже нужно финансирование, юридическое лицо и соответствующий механизм.

Орлов И.Б.:

Это ведь надо оплачивать коммунальные услуги и все прочее?

Бурцев Е.В.:

Ну это не ключевое. Ключевое это то, что этот институт напрямую имеет обращение к федеральному уполномоченному. Плюс он имеет возможность проводить оценку регулирующего воздействия и федеральных и региональных нормативных актов, а также заниматься разработкой новых законопроектов, обучением предпринимателей в нашей сфере, проведением социоло-

гических опросов, подготовкой докладов уполномоченному при Президенте, т.е. аналитической работой. Это такой фундаментальный институт, который имеет также возможность получать федеральное финансирование. То есть Министерство экономики выделяет на условиях софинансирования определенные денежные средства. В этом году рекомендовали выделить 1,5 миллиона. К сожалению, некоторые регионы этим уже лет 5 пользуются, а мы пока не имеем такой возможности.

Орлов И.Б.:

Вы сказали насчет обучения. Было бы замечательно, если бы на самом деле существовал институт обучения внештатных защитников. Например, проводится обучение на базе вашего института по разным ассоциациям бизнеса и у них готовятся специалисты, которые понимают суть работы данного института и принимают на себя разрешения каких-то мелких вопросов. И у них, и у Вас по большому счету исполнительных полномочий немного, но у Вас больше функционал, тем не менее. У Вас никогда не было идеи организовать обучение для ассоциаций, чтобы они разгрузили Вас от мелких дел, которые они способны были бы решить сами?

Бурцев Е.В.:

Именно с такой целью, чтобы разгрузили, не было. А в плане того, чтобы были люди, которые могли бы эффективно защищать свои права или права предпринимателей, да, были. У нас есть возможность назначать общественных помощников в регионе по направлениям, допустим, транспорт, налоги, и в муниципальных образованиях. Но проведение обучения и разработка методических рекомендаций, а тем более задача привязать эти методические рекомендации к текущей ситуации, требуют больших усилий. У нас сейчас идет блокировка счетов по 115 ФЗ о противодействии отмыванию денежных средств, терроризме и так далее. Для этого нужно выработать ме-

тодические рекомендации, просмотреть нормативную базу, сделать оттуда выжимку, посмотреть судебную практику, и потом уже на этом семинаре давать не просто какие-то фундаментальные знания, а практические рекомендации. Это труд не местечковый.

Орлов И.Б.:

А университет? У вас же есть система высших учебных заведений. Допустим сейчас «модной» стала система базовых кафедр.

Бурцев Е.В.:

Бесплатно кто-то будет разрабатывать программу для нас?

Орлов И.Б.:

А если университет заинтересован. Допустим, в университете формируется какая-либо бакалаврская или магистерская программа по подготовке специалистов именно в этой области. Никто в стране не готовит. Допустим, университет заинтересован, что он обучает предпринимателей, т.е. каждый сам себе становится защитником бизнеса, и каждый предприниматель настолько грамотен, что способен сам ходить решать свои проблемы, потому что он знает законы, знает все положения и т.д. Т.е. выпускать д подобных специалистов в формате базовой кафедры.

Бурцев Е.В.:

Это только если на юридических факультетах делать такое дополнительное направление.

Орлов И.Б.:

Конечно, да. Например, магистерскую программу.

Бурцев Е.В.:

Как у нас вносятся изменения в федеральные государственные программы? Я думаю, что мы будем ее разрабатывать пару лет, а потом еще внедрять неизвестно сколько.

Орлов И.Б.:

Сейчас на ВУЗы вешают зарабатывание денег через дополнительное образование. Т.е. они должны создавать центры дополнительного образования, повышения квалификации и переподготовки. В данном случае институт Ваш тоже заинтересован в этом, потому что, условно говоря, чем больше грамотных предпринимателей, чем больше общественных помощников, чем больше инициативных людей на местах, тем эта система начинает работать сама, не требуя каждый день ручного управления. К сожалению, понимаю, что вся система функционирует на уровне ручного управления, связей, договоренностей и т.д. Что касается перехода к нормальному функционированию институтов, честно говоря, не вижу, когда и как он может завершиться в этой ситуации.

Бурцев Е.В.:

Вообще интересно. Мне понравилась идея. У нас был уполномоченный в Волгограде. У него сейчас собственный частный институт. Он ушел из обмудсменства. Можно ему предложить, чтобы он подумал.

Орлов И.Б.:

Можно ведь создать центр подготовки общественных омбудсменов, помощников, институт предпринимателей, которые хотели бы получить некие навыки.

Бурцев Е.В.:

А они будут за это платить свои денежные средства? А как они будут их отбивать, образно говоря? Т.е. вот он обучился, получил корочку о том, что он квалифицированный защитник бизнеса. Но для них ключевая задача все равно будет зарабатывание денег.

Орлов И.Б.:

Хорошо, он – юридический консультант, у него своя фирма, он работает и понимает, что есть ниша консультирование в области бизнеса, которую он не понимает и не имеет формальной корочки, чтоб пока-

зять, что он закончил соответствующий учебный цикл. По большому счету, что ему мешает в рамках его консультационной юридической работы расширить свои практики в сторону бизнеса? Работают же всякие бизнес акселераторы, программы, где обучают бизнес тому, как «сесть» на бюджетные деньги, как построить свой бизнес таким образом, чтобы получать госзаказы. Я смотрел такие программы, и там очень слабо и схематично прописано то, как бизнесмену себя защитить. Все что угодно, например, финансовые стратегии фирмы. Какая финансовая стратегия у фирмы, состоящей из трех человек? А вот самая главная проблема – это проблема защиты собственных прав.

Бурцев Е.В.:

Хотел еще сказать, что касается муниципального уровня, так как мы делали анализ. У нас в каждом муниципальном образовании по умолчанию должны быть (и они уже везде заработали) координационные советы по развитию МСБ. Мы смотрели, что в каких-то районах они не работают, в каких-то работают, но не на постоянной основе. Где-то мы посмотрели повестки, и они вообще «ни о чем». Т.е. там вопросов, касающихся интересов бизнеса с точки зрения разрешения проблем практически не было. Где-то мы посмотрели составы, попросили эти составы пересмотреть. Где-то рекомендовали проводить расширенное заседание этих советов. Я считаю, и не только моя точка зрения (об этом и Президент говорил), что муниципальный уровень – один из ключевых. Для того чтобы наладить диалог, эти муниципальные советы должны быть открытыми площадками, системно работающими, как минимум раз в квартал собирающимися, проводящими не только узкие, но и расширенные заседания. И они должны иметь нормальную повестку. У нас есть два замечательных примера для налаживания диалога бизнеса и власти, которые мы привезли из Татарстана в 2015 году. Один называется «Бизнес и власть. Откровенный разговор», а второй называется «Совет по пред-

принимательству при Президенте Татарстана». Проект «Бизнес и власть. Откровенный разговор» - это когда первые лица региона, федеральных ведомств, представленных в регионе, органов региональной исполнительной власти встречаются напрямую с бизнесом. Там свой пласт вопросов, и они напрямую имеют возможность задать руководителю ведомства, региона или муниципалитета свои вопросы. Эти вопросы все берутся на проработку, а их исполнение контролируется. Если бы у нас в Рязанской области был реализован этот формат, который начался «сверху» у них и опустился на муниципальный уровень, то я думаю, что качество диалога было бы гораздо выше, и мы бы постепенно получили новую культуру общения бизнеса и власти. Т.е. власть не опасалась бы критики.

Орлов И.Б.:

А бизнес бы не боялся критиковать власть?

Бурцев Е.В.:

А бизнес бы научился конструктивно критиковать, т.е. высказывать не только претензии, но и вырабатывать какие-то предложения и контролировать исполняются они или нет. Если власть поменяет свой подход, будет готова слушать и постепенно выстраивать новую культуру общения, то у нас, думаю, будет сдвиг. Вот я смотрю, после того как пришел Николай Викторович, у нас объективно появилась такая новая парадигма в общении бизнеса и власти. Т.е. много открытых площадок, много деловых предложений.

Орлов И.Б.:

Потому что он сам руководил бизнесом. Он же вырос из бизнеса, поэтому понимает его проблемы.

Бурцев Е.В.:

Я этому позитивному сдвигу рад. И тем мероприятиям, которые проходят, и тому, какое это звучание приобрело. Стало лучше. Но нужно спускать это на муници-

пальный уровень, плюс стимулировать муниципалитеты на то, чтобы они получали какие-то бонусы за то, что они развивают МСБ у себя в муниципалитетах.

Орлов И.Б.:

Для чего? Бюджетирования?

Бурцев Е.В.:

Да, обязательно. Только это. Есть стимулирование, а есть мотивирование. Мы предложили, как один из вариантов, который бы помог развить и деловой предпринимательский климат в муниципалитетах, и в целом в регионе, и коммуникацию, делать рейтинг муниципалитетов по развитию МСБ. Наложить на рейтинг, который делали в АСИ, чтобы факторы совпадали, плюс привести свои. Мы сделали анализ в Приморском крае, в Нижегородской области. Отправили свое предложение.

В этом году на комиссии по МСБ его рассматривали. Я предложил ряд показателей, их очень много. Сейчас мы приняли решение, но рабочая группа еще не создана. Министерство экономики делает рабочую группу, чтобы доработать методологию и факторы. Но я предложил сделать так: у нас в одной из целевой модели АСИ в прошлом году был защит показатель 50% поступлений по УСН переводить в муниципалитеты. Все естественно испугались, т.к. это приличные деньги. Бюджет был уже сверстан. Постепенно регионы стали жаловаться, и вес этого показателя обнулится, т.е. он сейчас не влияет на рейтинг. В этом году хотя бы какой-то процент по УСН нужно отправить на муниципалитет. Я предложил топ- 5 (у нас 29 муниципальных районов и округов) отправлять повышенный процент, а по отношению к «анти топ»-5 принимать какие-то кадровые решения. Например, я знаю, что в некоторых регионах, кто занял последние места, глава региона, несмотря на существующий 131 закон, принимает кадровые решения, и там меняется руководитель. То есть два таких стимула.

Однако без финансовых стимулов, я считаю, мало что поменяется. И почему это нужно делать? Возьмите Рязанский район. У нас там есть крупнейшее в Европе производство вакцин. Появляются у нас в районе крупные предприятия. Что меняется в районе? Дорогие, освещение. А те деньги, которые остаются в муниципалитете от земельного налога, ЕНВД и НДС/ФЛ, ничего не дают. Что они дают главе в плане финансовых инструментов, которые у него появляются, чтобы что-то развить? Если туда пойдут инвесторы, может быть, но маловероятно. Для региона – да. Если в топ-20 попал, инвесторы уже оценивают. Поэтому все-таки должен быть какой-то стимул. Плюс мы предлагаем не только по этим показателям оценивать, но и проводить социологический опрос предпринимателей в муниципалитетах, чтобы они могли сбалансировать эти цифры своим мнением. А что такое сбалансировать эти цифры своим мнением? Если я довольный клиент, и вы мне позвонили, моя лояльность вырастает. Если со мной общаются на одном языке, и потом не давят, если я сказал, что есть где-то недочет, лояльность моя также растет. А если со мной не общаются, моя лояльность просто стремится к нулю. Поэтому я считаю, что этот рейтинг плюс завязка на финансы и на мою лояльность, , - влияют на выстраивание культуры общения, новой культуры, когда бизнес будет конструктивно что-то предлагать и где-то критиковать, а власть к этому будет спокойно относиться.

Орлов И.Б.:

Откуда взять эту новую культуру?

Бурцев Е.В.:

Это долгий процесс. Я считаю, что должно быть у представителя власти принято фундаментальное решение, что нам нужна реальная картинка. Не отчет, а реальная картина того, что у нас действительно не так. И если вы видите, это уже хорошо, а если начинаете решать, то это еще лучше.

Орлов И.Б.:

А если она решается, то это совершенно хорошо.

Бурцев Е.В.:

Ну, если она зависит от тебя и решается, то да, это хорошо. А если она от тебя не зависит и не решается, то должно быть это как-то объяснено. Поэтому это один из факторов, над которым нужно работать.

Что такое «Совет по предпринимательству». Это по большому счету PR власти. Плюс – это снятие когнитивного диссонанса, который накопился, решение болезненных вопросов, реализация их в публичной плоскости. Были заявлены такие вопросы, эти вопросы были решены. Этот проект был в Татарстане инициирован, а сейчас в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности все федеральные ведомства должны проводить называемые публичные обсуждения правоприменительной практики каждый квартал. По большому счету это то же самое, просто делается не на таком маркетинговом и управленческом уровне, как делается это в Татарстане, и как это должно делаться на самом деле.

Мы за то, чтобы теперь это перешло в плоскость наших региональных ведомств и на муниципалитеты. Что касается совета по предпринимательству, что это такое? Там везде одну из ключевых ролей играет региональный уполномоченный. Совет, имеющий call-центр, обзванивает предпринимателей еженедельно и собирает проблемы. Затем выбираются проблемы, которые носят массовый либо системный характер, т.е. затрагивают законодательство, которое нужно менять, либо правоприменительную практику. После этого берется предприниматель, ему предлагается возглавить рабочую группу по решению конкретной проблемы, которую он обозначил. Он становится руководителем рабочей группы, ему даются независимые эксперты и представители ведомств. Они в течение максимум 1,5 месяцев вырабатывают решение. Если они решение

находят, они готовят нормативную базу, презентацию. Руководитель рабочей группы собирает 500-600 предпринимателей, совет представителей органов власти, Президента республики, и они презентуют проблему и пути ее решения. Сидит Президент, органы власти, выслушивают это все. Где-то оказывается, что не могут решить этот вопрос, но могут выступить с инициативой или направить письмо в федеральный центр, чтобы на эту проблему обратили внимание. И у них с 2015 года было 70 рабочих групп, отработали 300 проблем. Совет по предпринимательству – это не коллегиальный орган. Это проектный подход к решению проблем. Проектная группа собирается на решение какой-то задачи. Не нашла группа решение – она расформировывается.

Орлов И.Б.:

В Рязани нет такого?

Бурцев Е.В.:

В Рязани нет. Я на нескольких площадках это предлагал. У нас недавно было совещание Генеральной прокуратуры в Туле. Там несколько федеральных округов приезжало выступать. Выступал прокурор Татарстана. Когда он рассказывал про защиту прав предпринимателей, он два этих проекта пиарил. Они умеют это делать. Они делают это качественно и красиво. Когда совет по предпринимательству проходит, делается прямая трансляция в интернете, камера «летает», телевидение и газеты присутствуют. Соответственно бизнес видит, что вопросы решаются, и что он сам влияет на решение проблем. И здесь снимается страх и когнитивный диссонанс, что «я буду говорить, а меня потом затопчут». Ты становишься здесь лидером по решению конкретной проблемы не только для себя, но и для всех остальных.

Орлов И.Б.:

Два коротких вопроса. Первый вопрос. Какой институт властный на Ваш взгляд является для Вашего взаимодействия с ним самым эффективным? Например, Дума?

Бурцев Е.В.:

Я считаю, что губернатор.

Орлов И.Б.:

То есть губернатор и его команда — это самый эффективный институт?

Бурцев Е.В.:

Да, губернатор, законодательное собрание и прокуратура.

Орлов И.Б.:

Второй вопрос. Если взять среднюю температуру по больнице и выстраивать иерархию проблем бизнеса, то топ-3 проблемы бизнеса как Вам видится?

Бурцев Е.В.:

Есть наш региональный срез, а есть федеральный. Мы уже не первый год об этом говорим. У нас идет падение покупательской способности населения, сжатие рынков. Падает покупательская способность нашего рубля. Второе, это вопрос получения длинных и дешевых денег, кредита. И вопросы налогообложения. Т.е. несмотря на то, что есть установка Президента на не изменение налоговых условий для бизнеса, мы видим, что появился налог на имущество от кадастровой стоимости. И он часто завышен.

У нас больше 70 регионов дотационных. У каждого региона есть соглашение с федеральным Минфином на выравнивание бюджетной обеспеченности, т.е. получение дотаций, федеральных денег. Сейчас реструктурировали бюджетный кредит, и высудили достаточно большое количество денег. Но по большому счету, когда вы встаете перед налоговым кодексом, будете читать, какие у вас есть возможности как у региона предоставить льготы, вы не сможете их предоставить, потому что у вас есть это соглашение. Этим перекрывается очень много, и об этом говорят все дотационные регионы. Поэтому надо пересмотреть вопрос перераспределения этих денежных средств между регионом и федеральным центром, и между регионом и муниципалитетом. Плюс посмотрите, у нас идет падение покупательской способности, сжатие рынка, снижение собираемости налогов. Мы задавали вопрос: «А после того, как будут отбелены все денежные средства, ставки налоговые будут изменены?». Скорее всего, нет. Вопрос встает другой. Если люди раньше за счет этого выжили и жили, сейчас они смогут это делать? Экономика серая сможет дальше людей обеспечивать?

INTERVIEW WITH RYAZAN BUSINESS OMBUDSMAN EGOR BURTSEV

Not long ago, representatives of the business community got another channel to promote their interests - an institution authorized to protect the rights of entrepreneurs, which existed not only at the federal but also at the regional level. Due to the novelty of this institution, its place in the system of relations between business and government is still not completely clear. In order to understand the role of the regional business ombudsman within the framework of the expedition to the Ryazan region, a meeting was organized with the Ryazan ombudsman for entrepreneurs' rights Yegor Burtsev.

In his interview, the Ryazan Business Ombudsman told expedition participants about the main problems that, in his opinion, Ryazan business most often had faced in recent years, the channels of interaction between business and government and their effectiveness, their role in the system of interaction with authorities and briefly outlined the measures that should be taken to reduce the pressure on entrepreneurs.

Key words:

Business ombudsman, business rights protection, business-government interaction, Ryazan Region.